

Лера
КОРСИКА

ИЗМЕНА

Счастье быть нужной

Лера Корсика

Измена. Счастье быть нужной

«Литнет»

2025

Корсика Л.

Измена. Счастье быть нужной / Л. Корсика — «Литнет», 2025

— Это не то, что ты думаешь! — муж сталкивает с колен размалеванную девицу в красном кружевном белье.— У нас дома... Какой же ты мерзкий! Как ты мог... предатель! Сердце сжимается от боли. Мой мир рушится. Я перевожу взгляд, и понимаю, что знаю эту девушку... Я была так счастлива замужем. Мы долго не могли родить второго ребенка, я годами моталась по больницам. И вот я стою с младенцем на руках, а мой любимый муж сделал мне такой незабываемый подарок...>> борьба за собственное счастье >> отстоять себя и детей >> неунывающая героиня >> самый отверженный помощник десяти лет >> муж, разрушивший все, до чего смог дотянуться >> ХЭ тому, кто заслужил! Однотомник. #скандально #жизненно #эмоции на грани Книга участник литмоба "Красная нить судьбы" ♥#

© Корсика Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Визуалы героев	11
Глава 4	12
Визуал героев	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	34
Глава 14	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

*История о том, как бытовуха и декреты притупляют любовь.
И как легко заиграться, забыв о том, что действительно важно!*

– Но я же с детьми! Пустите нас! Ну, пожалуйста... – Мой голос срывался от быстрого бега, дыхание прерывалось судорожными вздохами.

В отчаянии я пыталась докричаться до проводницы, которая стояла в вагоне поезда, невозмутимо запирая подножку лестницы.

– Не положено, – проводница оставалась глухой к моим мольбам и захлопнула дверь.

Поезд тронулся.

В отчаянии я топнула ногой.

– Да что же это такое... Опоздали!

Рядом стоял мой восьмилетний сынок Мишутка. Он растерянно смотрел на меня, тоже еле переводя дух. Его лицо, обычно такое живое и озорное, сейчас было бледным и испуганным.

Наш бег по перрону, казалось, еще отдавался вибрацией в ногах. Мы так бежали, чтобы не опоздать... и всё равно опоздали.

– Да что же за день-то сегодня такой?! – пробормотала я себе под нос, крепче прижимая к груди трехмесячного Павлике. – Как началось всё кувырком, так и пошло...

Рук я уже не чувствовала, благо сынок спал и даже не проснулся от всей этой бешеной беготни и тряски. Вот же, детство золотое...
 — Ма-ам, — тихо позвал Миша, — что же теперь будет?

Аккуратно переложив младенца на другую руку, я осмотрела наш многострадальный чемодан. Но, слава богу, пока мы бежали как угорелые, он не пострадал, и колёсики были на месте. Я, наконец, выдохнула и постаралась улыбнуться своему старшенькому.

– Ну, не переживай, Мишутка, это же не последний поезд. Поедем на другом. Сейчас пойдём с тобой спокойно какао попьём, передохнем, зайдём в кассу, посмотрим другие рейсы, папе, в конце концов, позвоним. Не расстраивайся.

– А как же бабушка? Она же будет нас ждать... – В голосе Мишутки слышались слезы.

– Ну, и бабушке заодно позвоним, скажем, что приедем чуть позже. Это популярное направление, я думаю, что проблем с билетами у нас не возникнет. Пойдем, мой хороший. Ты сможешь еще немного повезти чемодан? А то что-то Павлик у нас так хорошо кушает, я уже рук своих не чувствую.

Сынок Мишутка, мой вечный помощник, мой любимый мальчишечка, насупил бровки и утвердительно кивнул.

– Да, мам, я справлюсь.

Я пыталась казаться спокойной и уверенной, но такого в себе не чувствовала.
 А еще сильно злилась на мужа, который в последний момент позвонил, сказав, что отвезти нас не сможет, так как сильно занят на работе!

А мы рассчитывали. Ждали до последнего. А потом и такси нас подвело и долго не ехало...

Вот и результат!

А еще я была уверена, что в нелепом опоздании и в сгоревших билетах все винить будут меня!

Злость придала немного сил.

Чемодан у нас был хороший, на колёсиках, с удобной ручкой. Я специально такой купила. Сложить вещи на троих, когда едешь в отпуск – тот еще квест. А когда у тебя заняты руки, а чемоданов несколько — это вдвойне проблематично.

Еще и коляску с собой не взяли... Хотела же ехать с коляской, но мама меня отговорила. У них была старая Мишкина, чего тащить лишнее?

Мы дошли обратно до билетных касс и с сожалением выяснили, что на сегодня в этом направлении все билеты распроданы. Билеты были только на завтра, да и то не самые удобные места: плацкарт, да еще и в проходе.

Я тяжело выдохнула. Решиться на такое было сложно: в плацкарте с двумя детьми, один из которых младенец... А вдруг Павлик будет плакать всю дорогу? Меня же там заклюют!

– Давай, Миш, вот что сделаем. Поехали домой, а там решим, что делать.

— Ну, ма-а-м... а как же путешествие? Мы что не поедem? — на его грустной мордашке читалась вся скорбь еврейского народа.

— Ты что! Конечно, поедem! Может быть, вообще поедem на автобусе, раз на поезде не получается, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал бодро, хотя внутри всё сжималось от разочарования.

Кто же любит, когда рушатся планы?

Мы присели с Мишей на лавочку. Я попыталась дозвониться мужу, но его телефон не отвечал; шли гудки, но ответа не было.

— Что же такое, где он пропадает, когда он так нужен?! — я тяжело вздохнула.

Одна, с двумя детьми, с огромным чемоданом... Поездка с момента планирования не обещала быть легкой.

— Ладно, давай вызовем такси, а на месте разберемся, — решила я.

Мой самый серьезный в мире сын согласно кивнул мне.

Глава 2

Когда такси привезло нас к дому, мы уже перегорели.

Усталость, накотившая волной, притупила острые края разочарования. Я успокоилась. Ну, значит, так нужно было.

Миша всю дорогу расспрашивал, что же делать, как же быть и как такое возможно. Сын сильно расстроился, и мне хотелось его утешить, но нужные слова никак не находились.

Когда Миша увидел во дворе своих друзей, он посмотрел на меня с такой надеждой, что я не смогла ему отказать.

– Беги, конечно, поиграй. Только не очень долго. Ты мне помоги до лифта чемодан дотащить, а потом иди гуляй. Я сейчас соображу что-нибудь нам на ужин и тебя позову.

На нашей площадке я долго возилась с ключами. С Павликом на руках это было достаточно проблематично. Сын уже проснулся и завозился. Наверняка ему было пора менять памперс.

Всё, как всегда, одно к одному...

Я, придерживая малыша из последних сил, наконец-то открыла дверь и вошла в прихожую.

Хотела положить сына в люльку, а потом уже и чемоданом заняться.

Но вдруг... Мой взгляд наткнулся на красные туфли на высоком каблуке.

— Не поняла... — сказала я чуть слышно.

Я ничего не могла понять. Такой обуви у меня явно не было. Это что за гости у нас?

Положив ключи на тумбочку и даже не закрыв за собой входную дверь, я прошла вперед по коридору, ведущему из прихожей в гостиную.

Слышалась тихая музыка; там явно что-то происходило.

Я словно в тумане, тихо ступая по ковровой дорожке, приближалась к нашей гостиной. Моё сознание словно разделилось на две части. Одна судорожно соображала, что вообще происходит, что это может быть, а вторая, расчётливо и рассудительно, рисовала самые страшные картины.

Во рту резко пересохло, каждый шаг давался с огромным трудом. Сознание вопило: "Развернись! Беги отсюда! Лучше не знать, лучше не видеть этого!"

Но я упрямо продолжала идти вперёд.

Я шагнула на порог гостиной и замерла с сыном на руках.

Павлуша давно проснулся и с изумлением лупал своими большими глазёнками по сторонам. Я же прижала головку сына к плечу, чтобы он не видел этого ужаса. Конечно, он ещё ничего не мог понять и оценить ситуацию, ведь ему всего три месяца. А вот я бы предпочла себе сейчас мозг новорожденного младенца, чтобы тоже не видеть и не понимать...

На диване, вальяжно развалившись, сидел мой муж в расстёгнутой рубашке и брюках. Он так ходил на работу, и было понятно что, вернувшись из офиса, он даже не потрудился переодеться.

А вот перед ним, под музыку, извивалась полуголая девица.

Красное кружевное белье, словно пламя, полыхало у меня перед глазами.

Это был какой-то сюр... В нашей гостиной, в нашем семейном гнёздышке, на нашем диване...

Он устроил эту грязь... этот беспредел... Боже, как же это омерзительно, как же это низко и подло!

А голубки продолжали миловаться. Она извивалась перед ним, разве что на шпагат не садилась. А он смотрел с таким затаённым восхищением, с таким огнём в глазах, как, мне кажется, на меня уже не смотрел много лет.

А внутри моё сердце просто плавилось и истекало болью, словно кипящей лавой, принося жгучую боль и превращая моё сердце в выжженный уголь, разлетающийся пеплом.

– Какой же ты подлец! – сказала я, и моя ледяная ярость прервала эту идиллию.

Глава 3

Девушка тут же взвизгнула и отпрянула, прикрыв грудь с таким выражением лица, словно её реально застали врасплох, и она никак не ожидала появления нового персонажа в этой постановке.

Муж вскочил с дивана, глаза его вылупились от неожиданности и страха — словно он сам стал жертвой.

— Алла, откуда ты здесь? — выпалил он, голос дрогнул, он отчаянно пытался взять себя в руки.

Изо всех сил я себя сдерживала. Мне хотелось закричать что есть мочи! Выругаться от души — высказать всё, что кипело внутри — но язык просто не поворачивался.

Я резко отвернулась и пошла к выходу, не в силах больше выдерживать это унижение.

Он, конечно же, сразу побежал за мной, хватал за плечи, пытался удержать:

— Алла, послушай меня, это не то, что ты думаешь! Это не я, это мужики, я тут ни при чем!

Я остановилась, взглянув ему прямо в глаза.

— Знаешь, что, Саша, я много раз моделировала в голове этот момент. Но... увидеть это в реале... Я никогда не думала, что мне будет так больно. Я просто горю заживо. Ты мне больше не муж! Не смей трогать меня, — я уже говорила на повышенных тонах, а Павлик с моих руках, почувствовав беспокойство, начал попискивать, — Я не могу тебя видеть даже. Это настолько отвратительно. Ты меня убил, унизил и растоптал.

Он молча схватил меня за предплечья, повернул к себе. Мы замерли в темном коридоре, и я слышала, как он шепчет оправдания, старается объяснить, но в ушах — только гул и нарастающая мигрень.

Я глядела через его плечо, тупо уставившись в красное, расплывающееся от слез, пятно — туфли на огромной шпильке. Дьявол носит Прадо... Как символично...

Я чувствовала, как всё рушится, как жизнь делает бешеный кувырок, и все, что строилось с таким трудом, заботой, усердием много-много лет, словно огромный конструктор Lego, разлетается тысячами мелких деталей во все стороны.

И назад не соберешь никогда...

Не выдержав, я резко толкнула его свободной рукой.

— Убери от меня свои грязные лапы! Я не хочу тебя больше знать!

Он снова схватил меня, я не думала, а просто со всей силы размахнулась, и ладонь звонко приложилась к его холеному, мерзкому лицу.

От звонкого шлепка у меня даже «вата» в ушах пропала, и вернулись звуки.

Малыш на руках испугался и захныкал жалобно. Я прижала Павлика еще крепче, рука пульсировала, отдаваясь болью, но это была ничтожная цена за душевные муки.

— Не смей меня трогать — меня и моих детей, понял, скотина? Знать тебя не хочу, ненавижу тебя, слышишь? Презираю! Ты разрушил всё, что у нас было!

Я развернулась и вышла на площадку этажа. Чемодан оставался на месте — тут и ждал меня. Я взяла его за ручку и направилась к лифту. Муж стоял в дверном проеме, потирая щеку, глаза растерянные и пустые.

— Ну куда ты пойдешь, Алла? Что ты придумала? Куда ты пойдешь с детьми? Почему вы вообще не уехали?

Я повернулась к нему с ледяным взглядом.

— Да, действительно, надо было уехать — и не мешать тебе развлекаться. Знаешь что, милый? А ты прав. Почему это я должна уходить? Будь добр, освободи квартиру. Куда я должна

идти с детьми? Мне идти некуда, и тебя я видеть больше не хочу. Завтра мы с мальчиками вернемся — и я не хочу тебя видеть. Не в квартире, не в своей жизни.

Я развернулась и зашла в лифт.

Он не посмел меня остановить.

Лифт поскрипывал, чуть подергивался, ехал вниз.

А мое сердце болезненно билось в груди. Рвано, хаотично, пропуская удары...

Я крепко зажмурилась.

Воспоминания душащей лавиной обрушились на мое сознание.

Калейдоском эмоций захлестнул, не давая нормально дышать.

Перед глазами стояло лицо той девицы. Знакомое до боли лицо...

Визуалы героев

Хочу познакомить вас с нашими героями!

Алла, 36 лет. Сейчас в декретном отпуске.

**На руках она держит Павлика, который истинный подарок.
Долго не получалось забеременеть и выносить второго ребенка.
Но ее молитвы были услышаны.**

**Александр, 38 лет. Хозяин агентства недвижимости.
 Начинал обычным риэлтором, поднялся с нуля.**

**Неожиданная гостья, которую застала в собственном доме Алла...
пу пу пу-у-у...**

**Дорогие друзья!
Мне очень нужна ваша помощь! Нажмите три волшебные кнопки!
На старте книги это просто бесценно! Поставьте звездочку и добавьте книгу в библиотеку!
Это очень важно для меня! Спасибо!**

Глава 4

Выйдя из подъезда, я села на лавку.

Я была настолько растеряна, что не чувствовала ни рук, ни ног.

В голове — такой сумбур из мыслей, что казалось, я достигла какого-то предела моих сил. И дальше только надрыв и какая-то черная бездна отчаяния.

Как я донесла до лавки чемодан и не уронила сыночка — оставалось загадкой. Я прижала сына крепче. Он давно успокоился и с любопытством смотрел на мир — такой чистый, наивный и милый.

Мой сладкий колобочек. Прижала его к себе и вдохнула нежный аромат своего малышика.

С каким трудом мне далось его рождение! После первого ребенка начались проблемы со здоровьем, я долго ходила по больницам, и забеременеть вновь никак не получалось.

Но мы очень хотели второго ребенка, поэтому я не сдавалась. И когда Господь, смилостивившись над нами, услышал мои молитвы, наконец, случилось это чудо!

Правда, всю беременность я провела в больницах, да и после рождения Павлика пришлось еще немного полежать, чтобы восстановиться, но я ни о чем не жалела.

Мой сынок, мое чудо — один из самых дорогих подарков в моей жизни.

Оба мои сына — вот мое богатство. Вот моя опора и стержень. Ради них мне нужно жить!

Я думала, что муж меня понимает, переживает вместе со мной, борется за наше счастье, а оказалось, что я одинока... Оказалось, ему глубоко наплевать, и на первом месте для него — развлечения, как вот эта девушка... Нормы? Принципы? Верность? Нет, не слышал...

Эта девица... Ее лицо казалось очень знакомым. Я перебирала сотни лиц, увиденных за всю мою жизнь, словно в калейдоскопе. И я вспомнила!

Она была похожа на одну нашу общую с мужем знакомую, которая в молодости была причиной раздора, и наши отношения чуть не разрушились ее стараниями — она нас практически разлучила.

Когда мы были студентами, я училась на первом курсе, а Саша — на четвертом.

Эта девушка, Марина, была моей подругой, и в какой-то момент она решила, что Саша ей тоже нравится, и начала активно бороться за его внимание.

Для меня это было дико, ведь на тот момент мы уже встречались несколько месяцев, а Марину считала подругой! Я постоянно рассказывала ей, какой Саша у меня замечательный. Рассказывала, на свою голову.

Говорят же — счастье любит тишину.

Но кто же знал, что даже близкой подруге я не могла довериться?

В итоге было много скандалов, в том числе и с Сашей, но наша любовь, наше уважение друг к другу, наши чувства — они пережили все испытания, прошли огонь и воду, чтобы сейчас опять столкнуться с этой стеной лжи и обмана.

Девица, которую я застала в квартире, была просто копией той самой разлучницы из нашего студенчества — Марины.

Неужели он специально искал такую же? Неужели он все эти годы помнил ту самую Марину и не мог ее забыть? И как только подвернулся случай...

Как же это низко...

Я никак не могла в это поверить — бывают ли такие совпадения? Всё казалось настолько отвратительным, омерзительным, что в голове просто не укладывалось.

С большим трудом я прогнала эти мысли, не желая думать о предателе и о какой-то гулящей девке, которой, дай бог, только восемнадцать исполнилось, а она уже перед незнакомыми мужиками изгибается, словно шлэндра какая-то.

А может быть, она и есть проститутка? Где он её вообще нашёл? Как он мог опуститься до такого?

А если бы я не узнала и он какую дрянь притащил в дом. Заразил меня, а я через грудное молоко ребенка? Меня прошиб холодный пот! Эта мысль казалась невыносимой.

В этот момент ко мне подбежал Миша, с довольными, счастливыми глазами. Я едва выдавила из себя усталую улыбку.

— Мама, мама! Представляешь, Олегу купили новый велосипед, красный, как у Вити, чтобы он на нем на заднем колесе ездил! Я тоже такому хочу!

— Сынок, подожди немного, хорошо? Давай про велосипед чуть позже обсудим, — сказала я, усталым голосом и отвела взгляд. Не могла смотреть в глаза сыну. Не могла вынести боль предательства.

Мне было так обидно за моих мальчишек. Они не заслужили такого отношения, такого предательства от самого родного человека, на которого смотрели с обожанием, которого любили всем сердцем.

Павлик ещё конечно совсем маленький, но к отцу он всегда шёл с большим удовольствием, светил своим беззубым ротиком, активно агукал в ответ на внимание.

А Мишка ни на шаг не отставал от отца. Когда тот приходил с работы, Миша бежал к нему, обнимал, рассказывал свои тайны и события за день.

Что же теперь? Как быть? Куда идти?

— Мам, мам! — сын меня тормошил. — Ты что с чемоданом-то опять вышла? Что случилось? Никого нет дома? У тебя что, нет ключей? — Мишка смотрел на меня своими карими глазками с длинными ресницами, требуя ответов.

Я запнулась, ложь порождала новую ложь. А больше всего на свете я ненавидела врать своему ребенку!

— Да, сынок, нет ключей. Придётся нам где-то в другом месте сегодня переночевать. Папа уехал и трубку не берёт.

— Так, может, я ему позвоню? Он всегда отвечает, когда я звоню.

Я придержала руку сына.

— Нет, малыш, не надо. Мы у тети Люды переночуем, не переживай. Иди, поиграй еще.

— Ура! У нее такие сырники утром вкусные! — сын, получив желаемое разъяснение, снова убежал на детскую площадку.

Я достала телефон и начала набирать номер подруги. Сердце сжалось от боли и усталости, но я знала — сейчас нужно быть сильной, главное не сломаться.

Люда, на счастье, оказалась дома. И, конечно же, когда я позвонила ей, вкратце объяснив ситуацию, после, наверное, минуты отборной ругани в адрес мужа, Люда предложила сама за нами приехать.

Визуал героев

А вот и наши детки

Мишаня, 10 лет.

И главный по соскам в семье Смирновых -- Павел Александрович, 3 месяца

Милахи, не правда ли?

Ребята будут вам очень признательны, если поддержите нашу историю лайком!
Спасибо!

Глава 5

Моя подруга Людмила жила недалеко, буквально в паре остановок. Я, конечно же, согласилась, когда она предложила нас забрать. Даже облегченно выдохнула.

Я совсем не была уверена, что смогу донести ребенка и чемодан от машины, а потом и до её подъезда. Такая слабость разлилась по всему телу...

Наступило какое-то оцепенение...

Подруга приехала буквально через пять минут в домашнем халате, тапочках и бигуди.

Видимо, как была дома, так и вылетела, схватив одни лишь ключи. Меня такое умиление пробрало — моя подруженька, моя заботливая девочка!

Мы столько лет вместе, рука об руку, и я считала её самой близкой подругой.

Люда сразу же взяла все под свое командование. Она своим громогласным голосом позвала Мишу, командовала ему помочь с чемоданом.

Они не без труда запихнули наш огромный чемодан в багажник ее малолитражки. Хатем она усадила Мишу на заднее сиденье, забрала у меня Павлика, вручив его в руки Мишки, и подошла ко мне.

Я всё ещё сидела на лавке, сложив руки вдоль тела, которые теперь висели плетью без сил после долгого держания ребёнка. Или все же от нервного напряжения руки ослабли и плохо слушались, как, впрочем, и ноги.

Люда села рядом и взяла меня за руку:

— Ну, что, мать, сидишь? Пошли домой. Спать тебя положу. Бледная, как полотно.

Я лишь вздохнула.

— И че там? Так и не выходили? — Люда мотнула головой в сторону подъезда.

Я отрицательно покачала головой.

— Скотобаза какая! Может мне сходить за космы ее вытащить? — она лишь взглянула на меня и поняла все без слов.

Не хотелось этой грязи! Я и так ощущала себя, словно меня вывозили в помоях.

— Да пошел он на хрен! Как-нибудь всё образуется. У тебя есть я, есть родители...

Я лишь вздохнула. Родители жили в другом городе. Собственно, сегодня к ним в гости мы и собирались. Надо было позвонить матери, сказать, что мы опоздали на поезд, но сейчас я не в состоянии была этого сделать.

Люда обняла меня и начала гладить по голове, как маленькую. Мне остро захотелось заплакать, но я с трудом подавила это желание.

Неожиданно дверь подъезда распахнулась, и выскочила та самая девица.

Я вскинулась, уставившись на неё во все глаза.

Люда, поняв всё без слов, взярылась, вскочила и уперла руки в бока.

Девушка хотела пройти мимо, но Люда схватила её за полу короткого плащика, накинутаго, похоже, прямо поверх ее срамного белья! Да так и есть! На ней был только плащ и те самые проститутские красные туфли на шпильке.

— Ах ты, малолетняя шалашовка! Как тебе не стыдно по чужим мужикам шастать?! Еще не выросло толком, а уже в койку! — Она трясла девчонку с такой силой, что та лишь челюстью клала.

Силы, к слову сказать, были неравны. Девочка действительно была довольно молодой, хоть и ярко окрашенной, что добавляло ей возраста, но нас-то не проведешь этим.

По фигурке и чертам лица было видно, что ей максимум лет двадцать и килограмм пятьдесят в ней. Людмила же весила далеко за восемьдесят килограмм и была довольно сильной женщиной, уверенной и решительной.

Так вот, она этой кукле, как за полы плаща схватилась, она так её трясла, что наращенные вытравленные белые волосы метались во все стороны, как мочалка. Как и наращенные ресницы и пухлые, силиконовые губы!

Девушка, видимо, настолько растерялась, что не могла взять себя в руки.

Всё же она вырывалась, крича и матерясь, пытаясь выдернуть полы своего плаща из захвата Людки.

— Кто ты такая? Говори быстро! Какое отношение ты имеешь к Александру?! — продолжала свой допрос Люда.

Неожиданно к подъезду подкатила скорая. Я повернула голову, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Миша, хоть и сидел в закрытой машине, прилип к окну и смотрел во все глаза за этой безобразной сценой.

Я вскочила, тронула Люду за руку:

— Люда, не надо, пожалуйста! Дети смотрят!

Люда, словно очнувшись, кинула быстрый взгляд на машину, на скорую и с досадой бросила ткань, которую сжимала в руках.

— Твое счастье! Проваливай отсюда и не смей больше к нашему мужику подходить, поняла?! Иначе я тебя найду и сама лично все твои космы выдеру!

Девушка испуганно побежала прочь, и даже двенадцати сантиметровые шпильки ей не мешали.

Люда всплеснула руками, продолжая ругаться:

— Вот же, курица общипанная! Посмотри только, как вывернулась! Позорище. Была б моей дочерью, ремнем бы по спиняке отходила, чтобы даже взгляда не смела бросить в сторону чужого мужика. Куда ж мать её смотрит?!

Мимо нас прошли в подъезд медики. Мы проводили их взглядом.

Я взглянула на неё и почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— А тебе не кажется, что она похожа на Марину? — спросила я.

Люда замерла, посмотрев на меня:

— Марину? Какую? А-а-а-а... Ту Марину? Слушай, ну да... есть что-то такое. Вот же Сашка козлиная безрогая! А я тебе говорила!

Она переключилась с девицы на мужа и начала от души ругать его.

Люда знала всю грязную историю нашей молодости и никогда не упускала возможности лишний раз поругать моего муженька, если предоставлялся случай.

— Точно! — продолжала она. — Эта сивая словно копия Маринки, только цвет волос потемнее и силикон убрать.

Я тяжело вздохнула и добавила:

— Неужели он до сих пор не забыл и не успокоился?

— Нет, Алка, с этими мужиками всё понятно. Чего у них в голове творится! Кажется, будто мозг сразу и вся кровь вниз перетекают, как только речь заходит о женщинах. Ни рассудка, ни совести.

Люда попыталась приободрить меня:

— Ладно, не расстраивайся. Давай садись в машину, дома всё обсудим.

Она подтолкнула меня, и мы пошли к машине.

Вдруг дверь подъезда с размаху распахнулась, и оттуда показался мой растрёпанный мужёнок. Его под руку придерживал медбрат.

Глава 6

Я подскочила с лавочки.

— Саша! – едва слышно выдохнула я, и больше не нашла других слов.

Муж практически не наступал на ногу, шёл, прихрамывая, опираясь на высокого мужчину в форме медбрата, который приехал буквально несколько минут назад на скорой помощи.

В голове промелькнули тысяча мыслей: "Что случилось? Что произошло? Ему нужна помощь".

И тут же – полностью противоречащие им: "Так ему и надо! Мне теперь нет дела до этого человека. Пусть хоть голову себе разобьет".

Я в досаде закусила губу. Это было какое-то сумасшествие. Я чувствовала, что схожу с ума. А мое сознание металось, не понимая, что мне делать и как на все это реагировать.

Мне повезло, что рядом была Люда. Вот уж кто не теряется ни в какой ситуации!

— Ну ты красавец, конечно, Смирнов! — начала она. — Я такого говна от тебя не ожидала! Столько лет я тебя уважала, считала настоящим мужиком, а ты в итоге и ты туда же! Полное дерьмо!

Муж окрысился:

— Людка, не лезь! Это не твои проблемы, не твоя забота. Сами как-нибудь разберемся.

— Да уж я вижу, как ты разобрался! Взглянешь на тебя и сразу понимаешь: все у тебя на мази! Все именно так, как и должно быть!

Муж зашипел – то ли от злобы, то ли от боли, я не понимала. Медбрат не собирался терять время и тащил его к машине скорой помощи.

— Да подожди ты! – Саша оттолкнул медбрата, повернувшись ко мне.

— Алка, я бежал за тобой и неудачно с лестницы упал. Мне нужно объяснить тебе! Это не то, что ты думаешь. Нам надо поговорить. Куда ты собралась? Не уезжай! – Он попытался подпрыгнуть ко мне на одной ноге, но потерял равновесие и начал заваливаться.

Медбрат был настороже. Он подхватил Сашу, поставив на место.

— Мужчина, у нас куча вызовов, куча работы. Если вы отказываетесь от госпитализации, я вам предоставлю бланк. Оставайтесь, а мы поехали дальше работать.

— Да какой отказываюсь?! А если у меня там перелом?! — завопил Саша.

— Тон свой сбавьте и идите в машину! Через одну минуту мы уезжаем.

Медбрат развернулся и хотел уйти, но, видимо, не дала медицинская совесть и выправка. Ему было непросто бросить... пациента. Он повернулся к мужу и с вопросом посмотрел на него:

— Помощь нужна? Или сам допрыгаешь?

Саша сморщился, словно его пронзила адская боль. Он посмотрел на меня.

— Алла, не додумывай себе всякую херню! Ничего не было. Я... все тебе объясню. Не надо делать поспешных выводов. Не надо ставить крест на нашей семье. У нас дети, подумай об этом.

Он протянул руку медбрату и сделал еще несколько прыжков в сторону скорой помощи.

— Я тебе вечером позвоню, возьми, пожалуйста, трубку. Нам надо поговорить, – крикнул он уже из машины.

Скорая тронулась с места. Я же стояла ни жива ни мертва. Мне стало казаться, что асфальт подо мной шатается. Люда, видимо, подхватила мое состояние. Встряхнула за плечи и посмотрела в глаза.

— Так, мать, ну-ка собралась! Какой бы он ни был гад, он правильно сказал: у тебя дети, и тебе нужно собрать все свои силы в кулак. Поняла меня? — Она еще раз встряхнула меня. — Ты меня поняла? Я тебя спрашиваю!

— Да поняла! И не трясى меня, у меня сейчас тошнит... О господи...

— Ты вообще сегодня ела хоть что-нибудь?

Я отрицательно покачала головой.

— Не помню... Утром... Да уже и Павлика кормить пора... И Мишку...

— Поехали домой, Алка?

— Может, мне и не ездить тогда никуда, Люд? Домой подняться... дома все равно проще. Чего я тебя буду напрягать? Этот вон уехал, надеюсь, не вернется...

— Так, тебе сейчас нужно быть под присмотром, и тебе явно нужна помощь. Никакой «домой» ты не поедешь! И вообще, там теперь нужно генеральную уборку делать и спиртом все обрабатывать! Ну-ка давай быстренько в машину садись, поехали ко мне, на месте разберемся!

Люда просто усадила меня в машину, и я почувствовала, как дверь захлопнулась, приглушая все посторонние звуки. Вокруг словно опустился туман — возможно, подскочило давление, а может, я так переволновалась, что организм просто отказался принимать ещё одно потрясение.

Подруга села за руль, повернулась ко мне и мягко, но твёрдо сказала:

— Ну-ка, давай, соберись. Воды попей. Хочешь, чтобы молоко пропало? Миша, отдай Павлика маме, пусть она его покормит.

Я всхлипнула, сдавленно закусывая губу, и аккуратно взяла младшего сына на руки. Смотреть в глаза старшему сыну не могла — он тоже был на грани, столько насмотрелся, бедненький!

— Мам, что происходит? Почему папа себя так ведет? Он что, заболел? Почему вы ссоритесь? — дрожащим голосом спросил Миша.

Я тяжело дышала, собирая в кулак разбитое сердце.

— Всё хорошо, малыш, потерпи немножко. Дома у тёти Люды мы с тобой поговорим, — пыталась я успокоить сына. — Сейчас я Павлика покормлю.

Я отвернулась, освободив грудь, которая привычно налилась тяжестью горячего молока. Младший сын жадно припал к груди, сосал, словно тоже спешил унять тревогу. Малыши ведь все-все чувствуют! А тревогу матери особенно!

— Ох, ты, божечки мои, бедненький, проголодался-то как, — Люда всё это время не трогалась с места, дожидаясь, пока я закончу кормить малыша.

Потом она взяла за руку Мишу.

— Слушай меня, сынок, — сказала она мягко, глядя прямо в глаза. — Папа с мамой немного поссорились — такое бывает. Но ты не должен переживать, ты — мужчина, и сейчас должен поддержать маму. Видишь, как она расстраивается и переживает? Но это все ничего страшного... Всё образуется, всё потихоньку наладится.

Миша сидел насупленно и растерянно.

— У тебя же бывают ссоры с друзьями, правда? Потом вы миритесь, всё проходит, меняется, — продолжала Люда его успокаивать, поглаживая плечо расстроенного мальчика.

Миша сопел и было очевидно, что он вот-вот расплачется. Люда это видела.

— Ну давай, малыш, всё хорошо, не переживай, — тихо подбадривала она.

Я протянула руку и прижала сына к себе. Он уткнулся носиком в мой бок, тяжело и протяжно вздохнув. Этот звук был настолько забавным и трогательным, что даже моё помутневшее сознание словно начало вылавливать очертания реальности и возвращаться в неё.

Да, вот они — мои сокровища, мои два золотка, мои любимые мальчишки. Ради них я должна быть сильной. Ради них я должна выстоять, пережить всё это. Я сильная, и я со всем справлюсь. Всё у меня получится. Бог наградил меня таким богатством, что всё остальное — сущая ерунда.

— Вот же скотовоз, папаша ваш! Реально слов нет, — пробормотала Люда, снова обращаясь ко мне. — У меня даже в голове не укладывается, вот честное слово!

Я лишь махнула рукой, мол, потом поговорим.

— Ты закончила? — спросила Люда.

Я кивнула, поддерживая Павлика вертикально и поглаживая его по спинке.

— Можем ехать.

Глава 7

— Интересно, он ногу сломал или не сломал? — я сделала маленький глоток обжигающего ароматного чая.

— Лучше бы он себе шею сломал. Кобель безрогий! — зло сплюнула подруга. Мы сидели на небольшой кухоньке у Люды дома.

Жила она со своей дочерью Катюшей в двухкомнатной квартире, доставшейся от родителей.

Люда была в разводе, точнее, никогда не была замужем. Так уж вышло, что Катин папа бросил Люду, когда та ещё была беременной. И с тех пор подруга стала довольно черствой. Все решения в жизни принимала сама и двигалась вперёд, ни на кого не равняясь. Я всегда поражалась силе её воли, стойкости её характера, восхищалась и приводила подругу в пример.

Да, конечно, в её жизни случались мужчины, но, однажды обжегшись, она никогда не пыталась найти отца для Катюши, чтобы привести в семью.

Я когда-то на женских посиделках задала ей этот вопрос: «Почему ты не хочешь серьёзных отношений?» Она сказала, что не доверяет мужикам и что все они кобели без исключения.

Сейчас эта её фраза всплыла в моей памяти. Тогда я яростно спорила, что нет, не все мужики одинаковые, не все изменяют и предают. Сейчас же безобразная сцена предательства так остро встала перед моими глазами, что я вновь всхлипнула.

Как говорится, не зарекайся — ничто в этой жизни не вечно и не показательно.

— Как он мог предать меня и мальчишек?! — вырвался у меня горький крик. — Люда, я не понимаю!

Я сидела с глазами на мокром месте, а подруга поглаживала меня по плечу.

— Слушай, ну что я могу тебе сказать? Ты столько болела, столько провела в больницах... Наверное, вот его и понесло. Несколько месяцев воздержания, твоя тяжелая беременность после и роды...

— Ну разве так можно? Разве только секс важен в отношениях? А как же уважение, забота, доверие? Ведь он всё разрушил! — я снова разрыдалась, не в силах унять разбушевавшиеся гормоны.

Подруга встала и накапала мне валерьянки. По кухне разлился её приторный аромат.

— На, вот, выпей.

— Ой, я не могу, фу, воняет! Убери, пожалуйста!

— Пей давай! — Люда всучила мне стаканчик.

Я зажмурилась и выпила залпом.

— Ой, ну и гадость! — меня аж всю передернуло. — Люд, ну что мне делать?

— Да что ты сейчас можешь сделать? Сейчас нужно пойти лечь спать и успокоиться в первую очередь. Алла, у тебя дети, у тебя ребёнок новорождённый! Ему передаются все твои волнения. Ты же знаешь об этом прекрасно.

Я, конечно, всё прекрасно знала. Но я не представляла, как я справлюсь с этим, как я всё это переживу.

— Я не знаю, что мне делать... — прошептала я потерянно.

— Поживёшь пока у меня, подашь на развод. В конце концов, назначат алименты. Зарплата же у него официальная? И мне кажется, неплохая. Так ведь?

Я грустно кивнула.

— Квартиру продадите, разменяете. А может быть, и полностью квартиру отсудишь. В конце концов, он же не последнее дерьмо. Не станет у своих детей единственное жильё отбирать.

— Может быть, мне к маме всё-таки уехать? — грустно сказала я.

— А вот и правильно, вот и поезжай. Завтра... Сейчас я ноутбук принесу, и мы тебе билеты онлайн купим. Ты маме-то позвонила, предупредила?

Я лишь покачала головой.

— Ну ты даёшь! Они там встречать тебя собираются, а ты даже не предупредила. Слушай, Алла, хочешь я сама позвоню?

— Да ты что! Ты позвонишь, она ещё больше испугается и сразу поймёт, что что-то случилось. Ещё хуже будет. Нет. Ты иди за ноутбуком. Сама я... наберу.

Я долго держала в руках телефон, гипнотизируя фотографию своей мамы на аватарке, не решаясь нажать на дозвон. Как же все это грязно и стыдно. Я не представляла, как буду ей рассказывать все это в подробностях...

Даже просто сейчас позвонить и услышать ее голос было тяжело... Моя мама очень хорошо меня знает и сразу по моему голосу поймёт, что я чем-то расстроена. Нужно было собрать себя в кучу и как-то всё это ей объяснить. Наше опоздание на поезд... Все цеплялось за Сашу, имя которого я даже вслух произносить не хотела!

Потом, когда я успокоюсь... мы к родителям приедем, тогда и расскажу уже, как всё было на самом деле.

Но не сейчас...

— Аллю, мам, привет! — начала я неуверенно.

— Аллочка, здравствуй, доченька! Как вы доехали? Как дорога? Как мальчишки переносят поездку в поезде? Мишеньке нравится? Вы на станции? Появилась связь? — Мама щебетала без умолку, я даже слова вставить не могла.

Когда она наконец-то замолкла, чтобы перевести дыхание, я еле из себя выдавила:

— Мам, мы... никуда не уехали. Мы... пропустили поезд. Мы опоздали.

На том конце соединения наступила мёртвая тишина.

— Как опоздали?! Мы через два часа собрались с отцом ехать вас встречать! Вы где вообще? Что случилось? Почему? — И новая череда вопросов, ответов на которые у меня не было.

— Послушай, мам, так получилось... Я куплю новые билеты и приеду к вам. Не знаю, в какой день, но как только я это выясню, я вам сразу сообщу. Приеду и на месте всё расскажу, хорошо? Я что-то так перенервничала, переволновалась и устала... Я хочу лечь отдохнуть. Ты не обижайся, ладно, мам?

В трубке снова стояла тишина.

Ну вот, обиделась, так я и знала. Мама у меня была знатная болтушка. Мы с ней могли разговаривать практически каждый день. Случись, что по любым, даже незначительным поводам, она могла мусолить всё часами. А тут столько новостей, а я обламывала её самое любимое занятие – обсуждать эти новости.

И вот я, чтобы как-то подбодрить и подкинуть ей тему для разговора с папой, добавила:

— Представляешь, такая... проводница досталась! Прямо перед носом захлопнула подножку лестницы! И демонстративно закрыла дверь! И меня с детьми не пустила. Представляешь, я в таком шоке была! Прямо хоть жалобу на неё пиши!

— А и, правильно, и надо написать жалобу! — оживилась мама, — Где это видано?! Женщина с маленькими детьми, с новорождённым ребёнком!

— Ладно, мамуль, я побежала. Что-то там Павлик раскапризничался. А вы с папой не переживайте! Я, когда куплю билеты, вам обязательно отпишусь. Всё, давай, пока!

Я положила трубку и рвано выдохнула. Казалось, я все это время не дышала.

— Ну вот, а ты боялась, — Люда, входя в комнату, пару раз хлопнула в ладоши, подбадривая мою решимость, — Твоей маме только повод дай — она сама всё прекрасно додумает.

— Это точно, — вздохнула я, пододвигаясь за столом, чтобы Люда поставила ноутбук. — Я в кассу-то еще на вокзале заходила, билетов не было. Оставались только плацкартные, и те в проходе. Ну, куда?

Люда быстренько зашла на сайт РЖД и вбила рейсы в необходимое нам направление.

— Вот, смотри, как раз два билета в купе сдали! Нижняя и верхняя полка, и как раз завтра утром. Я вас посажу, и спокойно поедете. Ну что, бронирую? — подруга улыбнулась и посмотрела на меня. — Или ещё у меня погостите?

Глава 8

Я испытывала острое дежавю.

Я вновь стояла на перроне в ожидании поезда, и все эти запахи, звуки врезались в моё воспалённое сознание. Людмила держала на руках Павлика, словно видя моё состояние и не доверяя мне ребёнка.

Меня саму раскачивало от ветра, от слабости. Миша возился палочкой в какой-то грязи на перроне, и надо было бы его одёрнуть, но даже на это не было сил.

— Ну вот куда ты поедешь, куда ты собралась? Ну, в конце концов, Алла, что за детсад?! Как вы можете нам с Ксюшкой помешать? Ты же сама прекрасно знаешь, я целыми днями на работе, Ксюшка во дворе с подружками мотается, квартира практически в полном твоём распоряжении.

Я сжала руку подруге.

— Спасибо, Людочка. Я знаю, что ты самый близкий мне человек в этом мире, но оттягивать тоже сил нет. Поеду к маме, как и планировала. Постараюсь немного прийти в себя, пойму, как жить дальше. Назад дороги нет.

Этой ночью мне так и не удалось сомкнуть глаз.

Саша постоянно названивал, словно не позволяя забыть о нём ни на секунду.

Я лежала в зале на диване Людмилы и тупо пялилась в темноту. Экран телефона, который лежал на журнальном столике, то и дело загорался от входящего звонка или сообщения. И постепенно гас.

А с ним гасли все мои надежды на счастливую жизнь. Вот так, в одночасье, я сломалась.

Я всегда думала, что я сильная женщина, но женщина может быть сильной и свернуть горы, когда она точно знает, что у неё надёжный тыл и она под защитой своего мужчины. Когда же удар ножом приходится от человека, которого не ожидаешь, и ранит в самое сердце, то такие раны надолго выбивают тебя из колеи.

Я всё знала, всё понимала, что нужно быть сильной ради себя, ради детей, что жизнь не закончилась, что через это проходят многие сотни тысяч, а может быть, и миллионы семей.

Но никакие уговоры, никакие оправдания не помогали. Мне казалось, что это может происходить с кем угодно, но не со мной. И верить в это я не хотела, как и думать об этом, просто запретила себе, запретила все свои мысли и чувства, спрятав их в самый дальний уголок сознания под огромный замок.

Вот и стояла теперь как стылая амеба без эмоций и чувств. Но так было легче.

У Люды зазвонил телефон, и она, неловко прижимая к себе Павлика, достала его и ответила.

Лицо её вдруг переменялось.

— Знаешь что, козлина безрогий, забудь мой телефон и не звони сюда больше, понял?!

Я поняла, что это звонил Саша. Из-за шума перрона мне не было слышно, о чём он говорит в трубку. Но Люда трубку не бросала, слушала. Её губы поджались, брови нахмурились. Ей явно не нравилось, что говорил ей мой муж.

— ...Я провожаю их на перроне, Алла поехала к матери, как и планировала... Не звони и не дёргай её и не трави душу, понятно тебе или нет?! Дай в себя прийти!

Она сбросила вызов, раздосадованно убрала телефон в сумку.

— Совсем уже обнаглел, — прокомментировала подруга.

Мне хотелось спросить, что он ей говорил, но в то же время и не хотелось слышать об этом человеке вообще ничего. Я лишь вздохнула и с усилием отвела взгляд.

На этот раз, как назло, приехали мы рано, и поезд до сих пор не подали.

Сын Миша встал с корточек, подбежал ко мне и обнял, словно чувствовал, что мне нужна его поддержка и опора.

— Мам, а мы пойдём с тобой в вагон-ресторан? — спросил сын.

Я растерянно кивнула, а потом мотнула головой.

— А зачем нам туда идти, сынок?

— Витька сказал, что он ездил на море, и в вагоне-ресторане подают настоящую картошку фри и наггетсы, как в «Бургер Кинге». Я хочу проверить, правда подают или нет?

Я улыбнулась.

— Ну, если надо очень сильно проверить, конечно, давай сходим, проверим. Если только вагон-ресторан не очень далеко. Это же нужно между вагонами идти, а у меня на руках будет Павлик, ты же должен понимать, что это непросто.

Сын сосредоточенно кивнул соглашаясь. Я слабо улыбнулась.

Какой он у меня уже большой, так быстро вырос, я и не заметила. И уже настоящий помощник, как он самозабвенно тащил этот огромный чемодан, с ума сойти можно.

Сейчас я переводила взгляд на чемодан, на Мишу и понимала, что наша поклажа практически размером с моего сына. Да, там устойчивые колёса, и ездит он хорошо, но всё же нужно обладать силой, чтобы управлять этим громоздким чудовищем на колёсиках. Мой маленький герой!

Наконец, мы услышали гудок паровоза и засуетились. Люда начала давать последние наставления:

— Ты давай сиди там в купе, никуда не ходи, еду я тебе сложила, вам всем хватит. Не дай бог, где-то выйдешь на какой-то станции и ещё пропустишь поезд! Поезд без вас уедет! Вы там давай без приключений, хватит с вас приключений за эти дни.

— Люда, что ты мне как маленькой? — я рассмеялась, приобняла её и хотела забрать у неё Павлика. — Давай уже, наверное, руки затекли.

— Ты лучше затащи чемодан. Хотя, нельзя тебе тяжести таскать. Вон смотри, мужчинка стоит, давай мы его организуем, пусть он нам чемодан твой наверх закинет. Зачем нам корячится, когда есть бесплатная рабочая сила? — подруга подмигнула, кивая в сторону мужчины неподалеку.

Я неловко улыбнулась, почувствовав себя немного неловко.

— Ладно, тебе сами заплёт. Неудобно.

— Ну ещё чего! — Люда улыбнулась и отдала мне ребёнка. — На, держи, я пойду мужика организую.

Она отошла в сторону, а я в очередной раз поразилась и восхитилась её характеру и уверенности в себе. Вот бы мне такую уверенность...

Вчера ночью, лежа в темноте, и прислушивалась к ощущениям новой себя. Постепенно, понемногу отпускала боль предательства.

Первые мысли, которые лезли в голову и не давали уснуть, были совсем не о чувствах, не о своем рассудке...

Все прозаично и материально. Меня волновало на что я теперь буду жить? Как выйти на работу, как зарабатывать деньги, как содержать мальчишек?

Да, у мужа можно отсудить алименты, да, квартиру он нам, возможно, оставит, а может и придётся разменивать. А это все время, нервы!

Но в общем и целом я всё равно не смогу позволить себе оставаться в декрете. Придётся работать. Причём искать нужно какую-то работу, которую можно выполнять дома, с маленьким ребёнком. Иначе — никак.

Мне казалось, что я ничего и не умею. Когда-то получила профессию, но по ней почти не работала. Ушла в декрет с Мишкой, потом он часто болел. Ни один работодатель не согласился бы выписывать мне столько больничных, в итоге я засела дома.

Потом пришёл второй декрет. Саша же неплохо зарабатывал, содержал нас, и мы ни в чём не нуждались. Теперь же моя беспечность аукнулась мне по полной: опыта работы нет, знаний, как выживать в этом мире — тоже.

Эта неизвестность пугала меня больше всего.

Поезд начал замедлять ход, и я стала выискивать глазами номера вагонов, чтобы сориентироваться — правильно ли мы встали, или придётся идти искать нужный вагон. Я уже хотела позвать Люду, чтобы отправиться вместе, как вдруг меня схватили за плечи.

— Вот вы где! — сзади раздался знакомый до дрожи голос.

Я вздрогнула. Этого человека я хотела сейчас встретить меньше всего...

Глава 9

Я резко обернулась и отпрянула. Передо мной стоял мой муж, Саша.

— Что ты здесь делаешь? — у меня вырвалось испуганное. — А как же твоя...?

Я посмотрела вниз, где ожидала увидеть гипс, но он был просто обут в сланцы прямо на носки.

Я нахмурилась, но не успела додумать мысль, как он начал на меня агрессивировать.

— Хватит дурить, — он взял меня за локоть и потянул на себя. — Поехали домой. Нам нужно поговорить. Хватит бегать. Сколько это может продолжаться?

Я шарахнулась от него, как от прокаженного, не в силах что-либо возразить или опровергнуть. Естественно, ехать с ним я никуда не собиралась. И вообще, видеть его, разговаривать с этим подлецом не было ни малейшего желания.

Как и сил сейчас что-либо обсуждать.

— Папа, ты с нами поедешь? — к нам подбежал Мишутка, доверчиво глядя на отца.

Я лишь прикрыла глаза и попыталась дышать глубже. Мне нужны были силы выстоять.

— Нет, Миша, папа с нами не поедет, — процедила сквозь зубы, — Мы едем к бабушке в гости втроём. Ты, я и Павлуша. У папы много работы, и папа уже *уходит*, — я выделила голосом последнее слово и зло посмотрела на мужа.

— Да ты что, издеваешься надо мной?! — начал злиться Саша. — Ты вообще понимаешь, что ты творишь, Алла? Ты собственными руками рушишь наш брак! Ты серьёзно? Вот так просто уедешь, и тебе вообще плевать? Ты даже меня не выслушаешь? Ты считаешь это нормальным? Вот так вот рубить сгоряча?!

— А *ты* считаешь, что *это* нормально водить в дом непонятно кого, когда жена не успела порог переступить?! — эту фразу сказала моя подруга Людмила, которая незаметно подошла к нам сзади Саши. Она стояла, уперев руки в бока, и гневно сверкала глазами. — Пошёл вон отсюда, козлина рогатая! Видеть тебя не желаю и знать тебя не хочу!

Муж нахмурился, а я напряглась. Не хотелось скандала. На перроне было много людей, и многие уже начали оборачиваться. Я метнула взгляд на проводницу — та тоже нервничала и что-то говорила в рацию.

— Саша, послушай меня, пожалуйста, — я старалась говорить как можно спокойнее, хотя внутри всё кипело. — Я не собираюсь ничего выяснять, тем более при детях и при всём честном народе. Нам всем нужно успокоиться. Все решения нужно принимать на холодную голову.

— Как ни странно, в этом я с тобой согласна, — поддакнула Люда.

— Мне нужно поехать к родителям и успокоиться, — твёрдо сказала я.

— Да знаю я, как ты сейчас «успокоишься»! Ты сейчас мамаше своей нажалуешься, она до таких небес эту проблему раздует, которой и не существует! Не было ничего! Услышь ты меня наконец! Да в конце концов, мне что, на библии клясться тебе?! Или что?! Мне... на колени перед тобой вставать?! Как мне сказать, чтобы ты меня услышала?! Ничего не было, Алла, услышь меня! — он уже почти кричал, все время дергая меня за руку, что я боялась уронить младенца.

Я прикрыла глаза, собираясь с духом и с мыслями. Оттого, что он на меня кричал, внутри всё сжималось.

А перед глазами вставала та сцена... Эта девка... эта развратная девка в красном проститутском белье... И то, как она извивалась... Он просто сидел на диване и смотрел на всё это... никак не реагировал и уж точно не выглядел жертвой обстоятельств.

Я открыла глаза и снова уставилась на него.

— Я всё тебе сказала! Уходи. Не смей меня трогать!

Я развернулась и хотела пойти к вагону. Но он резко дёрнул меня разворачивая. Я чуть было Павлика не выронила.

— Ты что творишь?! Совсем уже из ума выжил?! Руки свои убери!

— Ты никуда не поедешь, я сказала! — его тон звучал агрессивно, и меня это пугало.

И тут неожиданно его дёрнули назад, так что хватка на моём предплечье ослабла. Муж повернулся к тому, кто его так бесцеремонно одёрнул...

Оказалось, что это подошел мужчина, с которым разговаривала Людмила. Он начал отвечать мужу также на повышенных тонах.

Мужчина был достаточно высокого роста, крепкий и сбитый, и смотрелось это довольно угрожающе. Два здоровых мужика, явно агрессивно настроенных. Муж еще явно был не в себе.

Только сейчас я увидела, что он стоит лишь на одной ноге, вторая опирается лишь на пятку.

Мужчина напротив мужа почему-то казался смутно знакомым, но я никак не могла понять, где я раньше его видела. Я рассеянно переводила глаза с одного мужика на другого.

А между тем накал страстей рос.

— Кто ты вообще такой? Что ты лезешь? Что тебе надо? — муж явно уже отбросил любые нормы приличия. Его совершенно не волновало, что происходит вокруг. — Что ты вмешиваешься?!

Он толкнул подошедшего мужчину в грудь.

Тот явно не собирался терпеть таких нападков. Схватил мужа за руку и вывернул ему руку за спину, совершив какой-то борцовский прием. Муж застонал. Его пострадавшая нога подкосилась, и он со стоном опустился на колени.

— А-а-а с-к! Отпусти! У меня нога сломана! — взвыл он во весь голос.

Я лишь прикрыла в изумлении рот, не понимая, что же с этим делать. Люда тоже не вмешивалась, как ни странно. Вот уж кто любитель лезть в самую гущу событий и разнимать любую драку! Но сейчас мы обе посторонились. Я еще и одной рукой придерживала Павлика. Люда взяла за плечи Мишу и прижала его спиной к себе, словно защищая.

Я бросила быстрый взгляд на них — у сына глаза были по пять копеек. Похоже, уже не получится отделаться общими фразами и откреститься от всего этого. Мой мальчик никогда дураком не был. Его суждения зачастую звучали по-взрослому жизненно.

Тем временем атмосфера накалялась. По перрону к нам спешили двое мужчин из службы охраны. Меня накрыла волна стыда.

Боже мой, что же Саша здесь устроил? Что за цирк какой-то нелепый?! Зачем это всё? Почему нельзя по-нормальному? Почему нужно всё через одно место?

Господи, когда моя жизнь превратилась в эту тупую нелепость? Какой-то цирк уродов... И всё это представление зациклено по кругу. Как в кошмаре, от которого хочешь проснуться, но он всё повторяется и повторяется... Тебе всё хуже и хуже, ты уже теряешься в этой круговерти... и кажется, что просто сходишь с ума.

Глава 10

Я смотрела за происходящим на перроне затаив дыхание.

Даже подошедшая охрана не сразу смогла утихомирить разбушевавшихся мужчин. Муж еще и пытался вырваться из рук нашего незнакомца-спасителя и наподдать ему. Отдать должное, прилетало обоим.

Пока охранники толкались, разбирались... По перрону летел мат, вскрики и угрозы. Я стояла ни жива ни мертва.

Люда погладила меня по плечу.

— Алла, — сказала она, — не надо мальчикам это видеть. Садитесь в поезд. Я здесь останусь, я со всем разберусь.

Я, как в тумане, достала документы и протянула проводнице. Та неодобрительно покачала головой, но документы взяла. Глянула лишь мельком, поторапливая занимать места, буквально через несколько минут поезд должен был отправиться.

— Проходите. Как поезд тронется, будет повторный контроль. Не задерживайтесь. Отправление через две минуты, — на автомате проговорила она, большими глазами косясь мне за спину.

Мне тоже жутко хотелось обернуться, кричать, чтобы прекратили, но я силой заставила себя прикусить язык и грузиться в поезд.

Я даже не поняла, как мы закинули наверх мой огромный чемодан. Всё было как в тумане. Я завела Мишу в купе, запихнула чемодан, расстелила одеялко и уложила Павлика на нижнюю полку. Попросила Мишу присмотреть за братом, а сама выскочила в коридор и уставилась в окно, чтобы увидеть, что же происходит на перроне.

А там события развивались стремительно...

На перроне двое охранников разнимали Сашу, который уже совсем разошёлся и начал размахивать кулаками. Мужчины в форме подобного терпеть не стали, скрутили его и повели в сторону вокзала, по пути пару раз приложив дубинками.

Я же стояла ни жива ни мертва, не понимая, что же мне делать. Сердце рвалось на части. С одной стороны, муж нанес мне жуткую боль и обиду. С другой стороны, он всё же был моим мужем. И каких-то проблем с законом мне для него не хотелось.

Словно на одном моем плече сидел ангелок, который нашептывал: «Беги, спасай его, сорокалетнего детину!».

А на другом плече сидел чертик, который подзуживал: «Так ему и надо! Пусть ему впаяют пятнадцать суток, посидит вместе с алкашами, наркоманами, туда ему и дорога, предателю!».

Поезд дёрнулся, готовясь к отправлению. Я лишь тяжело вздохнула.

Люда увидела меня в окне, махнула и погрозила кулаком в сторону удаляющегося Саши. Я невольно улыбнулась, кивнула и показала, что я ей позвоню. Она помахала мне на прощание и поспешила за делегацией во главе с моим мужем.

Я глубоко вдохнула и пошла в купе. Мне ещё предстояло успокаивать Мишу. Вот уж сын натерпелся! Павлик, к счастью, мирно лежал на полке, посасывая пустышку.

Предстоял долгий путь... и долгая работа над собой.

Купе было наполнено теплым солнечным светом. Поезд уносил нас прочь от всей этой гряди и тревог. Даже как-то захотелось выдохнуть от облегчения.

На расстеленном одеялке лежал Павлик, суча ножками. Малыш одной ручкой тянул за край одеяльца, другой — за яркий носок. Весело агукал, улыбался своим безумным ротиком и всячески излучал беззаботный позитив. Вот уж действительно — замечательный возраст: ешь, спи и радуйся жизни. Как я ему завидовала...

Напротив сидел Мишутка, испуганный, с глазами по пять копеек. Он смотрел на меня с такой безропотной надеждой, словно я была спасением от всех его страхов и невзгод.

Я тяжело вздохнула, села рядом, приобняла сына, прижала к себе и поцеловала макушку. Слезы подступали, сдавливали горло, но я собрала силы — нужно было поговорить и успокоить Мишу.

— Мам, что происходит? — голос Миши дрожал. — Почему папа себя так вел? Почему он ругался? Он что, с ума сошёл? Почему его забрала полиция?

— Нет, малыш, — шептала я, глядя его по голове. — Не бойся. Так бывает... Папа с мамой немного поссорились. Просто ссоры бывают у всех. Ты же в садике помнишь, как Семён дрался? Его тоже сажали на отдельный стульчик, чтобы он успокоился.

Миша посмотрел на меня удивленно, потом согласно кивнул:

— Ну да... Семён тот ещё драчун.

— Вот видишь, — улыбнулась я. — Всех драчунов сажают на лавочку, чтобы они успокоились. Вот и нашему папе нужно немножко успокоиться.

— А что именно случилось? Почему он был таким злым? — спросил Миша.

— Он злой, потому что мы поссорились. Он хотел помириться, а я решила уехать. Вот он и не отпускал нас, не хотел, чтобы мы ехали к бабушке. Но ты не переживай, так бывает. Родители иногда ссорятся, но всё потихоньку само собой наладится — всё будет хорошо. Поедем к бабуле, погостим, проведем её, а папа за это время успокоится, — добавила я, стараясь звучать уверенно.

Миша немного успокоился, но в глазах сына роились еще миллионы вопросов, но я не была готова сейчас к пулеметному расспросу. Сведя на нет его интерес, я постаралась переключить его внимание.

Но постепенно его затравленное выражение сменилось на более спокойное. И я, в свою очередь, наконец выдохнула с облегчением.

— Поезд вот-вот тронется. Сейчас будем постель расстилать, — улыбнулась я. — А потом я достану тебе печенье, будешь?

Я начала искать сумку с припасами, когда вдруг распахнулась дверь, отчего мы с Мишей вздрогнули и обернулись.

— Извините, резкая дверь какая, — сказал он.

На пороге, придерживая дверь рукой, стоял тот самый мужчина, который вступился за нас на перроне. Солнечный свет из окна падал на его лицо, выхватывая знакомые, но словно подёрнутые дымкой времени, черты.

Я замерла, всматриваясь, пытаюсь пробиться сквозь пелену лет. Сердце забилося чаще. Неужели это он? Прошло столько лет, столько всего произошло... Воспоминания нахлынули волной, смешиваясь с тревогой последних минут и непонятной, смутной радостью.

Высокий, широкоплечий, с чуть тронутыми сединами висками, он казался ещё более крепким и надёжным, чем в моей памяти. Тот же прямой взгляд карих глаз, та же лёгкая морщинка в уголке губ, готовая вот-вот развернуться в знакомую улыбку. Я, казалось, узнала его, но всё ещё не могла поверить.

Слишком неожиданной, слишком невероятной была эта встреча.

— Алла? — раздался его голос, низкий, с лёгкой хрипотцой.

И вот тогда, услышав этот голос, я уже не сомневалась. Губы мужчины растянулись в широкой, искренней улыбке, окончательно развеяв все мои сомнения. В этой улыбке было столько тепла и какой-то мальчишеской задорности, что всё напряжение последних часов словно растворилось.

— Стас... — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Не может быть... Это ты?

Глава 11

— Стас... — прошептала я, не в силах отвести от него глаз. Голос мой дрогнул, а сердце забилося чаще, да так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. — Не может быть... Это ты?

Улыбка Стаса стала ещё шире. Он шагнул в купе, и я почувствовала знакомые нотки парфюма, почти забытый аромат, он всегда такой любил, — смесь хвои и чего-то терпкого, морского.

Стас был моим одноклассником, моей первой детской любовью, но, увы... звезды сложились иначе.

Воспоминания, яркие, как вспышки молнии, пронзили сознание. Вечеринки у костра, прогулки по ночному пляжу, первый поцелуй... Казалось, все это было только вчера.

Откуда он здесь? Хотя... Я же еду в свой родной город... и Стас оттуда родом. Может быть, он там до сих пор живёт? Ведь мир так тесен, а мой родной город не такой уж и большой. Вдруг эта случайная встреча – не просто совпадение?

— Я самый настоящий, — сказал он, его голос, низкий и бархатистый, обволакивал, успокаивал. — Не ожидала меня здесь увидеть?

— Не то слово, — выдохнула я, наконец приходя в себя. — Это... это просто невероятно. Ты домой едешь?

— Еду из командировки, — ответил Стас, его взгляд скользнул по Мише, который с любопытством наблюдал за нами. — Сынок твой? Орел! И еще один? Ну ты, мать, молодец! А вы куда? К бабушке, как я понимаю?

— Да, — кивнула я, чувствуя, как щеки заливала краска. Как же было стыдно за ту сцену на перроне, — Мы... мы немного поссорились с мужем.

Стас улыбнулся, и в его глазах мелькнули искорки понимания.

— Понимаю, недавно развелся, детей, к сожалению, нет. Так что все эти «милые» семейные дразги мне прекрасно знакомы.

Я поджала губы. Развод — это слово для меня сейчас звучало набатом и приговором. Я запрещала себе об этом думать. Меня это пугало...

— А ты домой или...?

— Да, я после развода вернулся на родину. В квартире родителей сейчас. Их, к сожалению, уже не стало. А ты не знала?

Я отрицательно покачала головой, чувствуя, как щеки снова заливают краска.

— Нет, я... я не следила за твоей жизнью после... после всего.

«После всего» — это значило после нашего расставания, после того как наши пути разошлись, и каждый из нас пошел своей дорогой. Мы не общались много лет, и я даже не пыталась узнать, что с ним стало. Сейчас же, глядя на него, мне было стыдно за свой детский протест и упертость.

— А я вот о тебе вспоминал, — сказал Стас, его взгляд стал серьезным. — Интересно было узнать, как сложилась твоя судьба.

— Моя судьба... — я горько усмехнулась. — Замужем, двое детей... Вот, едем к бабушке.

— А муж что же? — спросил Стас, и я почувствовала в его голосе нотки напряжения.

— Мы... мы поссорились, — ответила я, опустив глаза. — Не хочу об этом говорить...

— Понимаю, — кивнул Стас. — Семейная жизнь — штука сложная.

Мы снова замолчали. Стас понимающе кивнул.

— Видел вашу... скажем так, небольшую размолвку на перроне. Надеюсь, у тебя всё в порядке?

— Более-менее, — ответила я, уклоняясь от прямого ответа. Не хотелось сейчас обсуждать свои семейные проблемы, тем более со Стасом, которого не видела столько лет. — А это мой сын, Миша. Миша, это... это дядя Стас.

Миша робко улыбнулся.

— Здравствуйте, — пробормотал он.

— Привет, Миша, — Стас потрепал его по голове. — Рад знакомству.

В купе повисла неловкая пауза. Я чувствовала себя странно, растерянно. Столько лет прошло, столько всего изменилось... А он... он почти не изменился, все такой же привлекательный, харизматичный. И этот взгляд... такой теплый, внимательный...

— Ну, раз уж мы встретились, — Стас нарушил молчание, — Предлагаю выпить чаю за встречу! У меня есть кое-что вкусенькое.

— С удовольствием, — ответила я, не в силах скрыть улыбку. Внутри порхали бабочки, словно я снова стала той беззаботной девчонкой, которой была когда-то. — А ты в каком купе? Не заругает проводник?

— Так выходит, что с вами еду! Такое совпадение точно не случайно! Представляешь?

— Нет! С ума сойти. Я думала, ты просто мимо шел...

Стас достал из своей сумки термос, пару бутербродов и пакетик с печеньем, я тоже достала сумку с продуктами, которую мне собрала подруга. Я была в такой растерянности все утро, что делала все на автомате. И сейчас удивлялась, сколько же она всего нам завернула с собой! Ну Людка...

Неожиданно разыгрался аппетит. Я же еще кормила Павлика грудью. А эти сутки выдались такими нервными, что не могла в себя ничего запихнуть.

Сейчас же, когда главный источник стресса остался позади, настроение выровнялось и организм перестало так лихорадить.

— Миша, ты что будешь? Вот курочка, яйца, сыр.

— Я печенье.

Я недовольно поджала губы. Сын у меня был малоежкой, и заставить его нормально поесть -- был тот еще квест!

— Надо сперва нормальной еды покушать, уже по времени обед.

— Ты что, Мишаня, — поддержал меня Стас, — настоящие мужики мясо едят, чтобы мышцы росли! Потрогай, какой у меня бицепс! — Стас напряг руку, демонстрируя сыну, — Это сила. Хочешь быть сильным?

Сын неуверенно кивнул.

— Тогда маму слушайся. Ешь мясо, яйца. Там белок. Иначе кто маму защищать будет? Вырастешь хлюпиком, и все обижать будут.

— Я занимаюсь дзю-до, — гордо ответил сынок.

— Тем более. Вам тренер разве не говорил усиленно питаться, чтобы мышцы росли и сила была?

— Говорил, — понуро ответил Миша, — я питаюсь, — он обреченно вздохнул, начав излучать разносолы на столе.

А я благодарно улыбнулась Стасу.

Мы разговорились, вспоминали прошлое, смеялись над забавными случаями из школьной жизни. На какое-то время я забыла обо всех проблемах, о ссоре с Сашей, о тревогах и неуверенности. Рядом со Стасом я чувствовала себя спокойно и защищенно, как будто вернулась домой после долгого отсутствия. И впервые за долгое время я позволила себе просто расслабиться.

Глава 12

Ехать нам предстояло несколько часов. Павлика быстро укачало, и мы его пристроили на мягком одеялке смотреть сладкие сны.

Потом мы все же сходили в вагон-ресторан, как этого и хотел Миша. Тот оказался недалеко, через два вагона, да и Стас помог нам проходить между вагонами.

Миша шел туда воодушевленный новыми впечатлениями, все рассматривал, задавал кучу вопросов. Правда, в итоге сынок оказался разочарован — ожидал чего-то более интересного и масштабного, а увидел скромные столики и лавочки и приуныл.

— Ну, а ты чего ожидал? — веселилась я.

Тот лишь бурчал под нос. Меню и обстановка показались ему слишком скучными. Еще и мы со Стасом не выдержали и рассмеялись.

Насупившись, сын почти весь остаток пути просидел на верхней полке, молча уткнувшись в телефон. Это огорчило меня, пыталась его растормошить, но Стасом был таким позитивным, сыпал шутками, и мы от него отстали, лишь и тихо похихикали над его мрачным видом.

Зато маленький Павлушка с любопытством смотрел на все происходящее вокруг своими большими глазёнками, открытыми от изумления и интереса к миру.

Когда поезд наконец прибыл в наш конечный пункт назначения, мы с детьми и со Стасом, неловко толкаясь в узком тамбуре, улыбаясь и посмеиваясь, начали неспешно выбираться из вагона. Казалось, сама атмосфера нашего путешествия окутала нас теплом и беззаботностью.

Проводница нас провожала и улыбалась:

— Какая у вас семья красивая! Будьте счастливы.

Мою улыбку как ветром сдуло. Что-то объяснять не хотелось.

На перроне нас уже ждали мои родители — мама и отец. Мама сияла от радости, обнимала и нежно тискала внуков. Словно тряпичная кукла, Миша висел у неё в объятиях, понимая, что сопротивляться этому потоку любви и ласки легче, чем отбрыкиваться.

К сожалению, виделись мы редко! Потому каждый приезд был очень долгожданным и теплым.

— Ну, бабуль, не надо меня целовать, у тебя помада! — бормотал сын, пытаясь вырваться, но безуспешно.

Тем временем Стас, улыбаясь, пожимал руку отцу и предлагал помощь с нашими сумками, но я вежливо отказалась.

— Позвольте, я помогу! — предложил Стас, но отец мягко отмахнулся и ответил:

— Спасибо, я близко встал, да и там колесики.

Мы тепло попрощались со Стасом, предварительно обменявшись телефонами. Он даже настоял на том, чтобы я обязательно ему написала. Мне показалось это немного странным — ведь он же понимал, что я замужняя женщина.

От этой мысли я и сама тяжело вздохнула, не зная, надолго ли я замужняя...

Когда мы, наконец, выбрались с вокзала, уже в машине, мама, с лукавой улыбкой и искоркой в глазах, тут же начала меня расспрашивать:

— Ну и кто это был, этот молодой человек, что тебя так галантно провожал? — озорно подмигивая, она добавила: — Ну же, не утаишь от меня!

Мне пришлось выдавить улыбку:

— Это мой одноклассник, Стас Воронов, помнишь?

— Стас... Стас... — задумчиво протянула мама, одновременно пытаясь отобрать у Миши полурастаявший шоколадный батончик. — Тот самый, у которого мама такая чернявенькая, она еще в аптеке работала?

— Да не помню я, — попыталась я уйти от ответа, но мама, конечно же, не отстала. Мама сощурилась, напрягла память и вдруг лучезарно улыбнулась:

— Ах да! Теперь вспомнила — он и правда жил на Парковой улице, дом три! Как же ты могла забыть? Ты же тогда за ним бегала! За ним же бегала? — мама хихикнула, подталкивая меня локтем.

Я покраснела, чувствуя, как щеки заливают краска смущения, и тихо, но строго сказала:

— Мам, ну перестань! Что ты, давай не будем обсуждать это! Здесь Миша!

Она лишь заговорщически подмигнула:

— Ладно, ладно, доча, не надейся — так легко с меня не отделаешься! Все мне потом расскажешь! Так интересно...

"Эх, мама... — подумала я, глядя на то, как Мишка, измазанный шоколадом, пытается залезть в телефон. — Если бы ты только знала, сколько дурных новостей и пицци для размышлений я тебе привезла..."

Глава 13

Выйдя из машины у калитки родительского дома, я полной грудью вдохнула знакомый, такой родной аромат – смесь цветущей липы, нагретой солнцем земли и едва уловимого дымка от недавно потухшей в саду костерка.

Мишка, сжимая в руках рюкзак и маленькую красную машинку, которую он вез с собой всю дорогу, тут же сорвался с места и стремительно побежал к дому. Мама, аккуратно придерживая мирно спящего Павлика, поспешила за нами.

— Давай, доченька, я тебе помогу, разберу потом — сказала мама, беря у меня сумку с остатками еды, ставя в прихожей. — Пойдем в твою комнату, я там все приготовила, белье чистое постелила, твои старые вещи разложила, все постирала, погладила... Вдруг что пригодится, посмотришь.

— Спасибо, мамуль. Как же дома хорошо. Я прям скучала.

Дом пах свежей выпечкой – мама, как всегда, напекла пирогов к нашему приезду. Внутри все было так же уютно и знакомо: старые часы с кукушкой на стене, вышитые салфетки на комод, плетеный коврик у кровати. Мама, как всегда, суетилась, стараясь угодить.

— Вот, смотри, полотенца чистые, а еще я тут мальчикам пижамки купила, не удержалась, смотри какие смешные, с пришельцами, — причитала она, открывая дверцу шкафа в моей бывшей комнате. — Обед, кстати, готов, наверное, голодные с дороги? Щи сварила, твои любимые, с мясом...

— Нет, мам, мы поели в вагоне-ресторане, — ответила я, улыбаясь. Было приятно видеть ее заботу.

— Что это за еда такая! Тоже мне ресторан! — махнула рукой мама. — Одна химия, никакой пользы. Миша, будешь пирожки? Бабулины пирожки с вишней, ты же любишь!

Мишка, уже успевший исследовать весь дом, прибежал на кухню и с радостью ухватил пирожок. Павлик все еще мирно спал, чуть улыбаясь во сне.

Переодев Павлика в чистый, пахнувший лавандой комбинезончик и уложив его спать между мягких подушек в детской кроватке, мама, наконец, выдохнула и, поглаживая меня по руке, предложила:

— Аллочка, пойдем на кухню, чаю попьем с дороги. Отдохнем. Миша, иди, бабушка тебе компот налила.

Я же, чувствуя тяжесть в груди, медленно поплелась следом за мамой.

Уже сидя за столом, оглядывалась по сторонам, подмечая уже забытые, но милые с детства сердцу вещи. У родителей мы не были два года. То лечение, то сложная беременность. Не получалось.

Напряжение последних дней, словно тугой узел, постепенно распускалось. Здесь, в родительском доме, я была в безопасности, здесь меня любили и принимали такой, какая я есть. И от этой мысли на душе становилось легче. Но вместе с тем, неприятный ком подкатывал к горлу.

Как рассказать маме правду?

— Как жалко, что Саша не приехал! — вздохнула мама, наливая мне чай. — Как же он там бедненький, сыночек мой, трудится наверное? Не отпустили с работы?

Ее слова словно ударили меня пощечиной.

"Трудится", да... Пока я мучилась токсикозом, лежала на сохранении, считая дни до рождения Павлика, он "трудился", развлекаясь с другой женщиной.

Горькая, жгучая обида подкатила к горлу. Как же больно. Как рассказать ей об этом? Как разбить ее иллюзии о «замечательном» зяте? Как признаться, что ее дочь вернулась домой с разбитым сердцем и двумя детьми на руках?

Предстоящий разговор пугал меня. Как рассказать ей все? С чего начать?

Тут неожиданно Миша, дожевывая пирожок с вишней и неаккуратно вытирая липкие пальцы о салфетку, подал голос:

— А папа и не смог бы поехать... Его в больницу забрали. На белой машине. Я видел, когда мы уезжали. Он кричал что-то... Махал руками и кричал... Вот его в психушку и увезли. А потом еще и на вокзале тоже! Приходил и кричал. Его полицейские увели.

Он на секунду замолчал, ковыряя пальцем крошки на столе, а потом, словно пытаясь успокоить бабушку, поднял на нее свои большие, серьезные глаза и добавил:

— Но ты, бабуль, не волнуйся! Он посидит на лавочке, успокоится, и его отпустят. И он не псих. Просто немножко устал.

Я замерла с чашкой у губ, чувствуя, как ледяная волна, начинаясь где-то в районе затылка, прокатилась по всей спине.

Мама, которая только что поставила передо мной тарелку с дымящимися щами и собиралась налить мне сметаны, застыла на месте, ложка замерла на полпути в ее руке. Она медленно перевела взгляд с Миши на меня, в ее обычно ласковых глазах читались шок, недоумение и испуг.

— Аллочка, — прошептала она, ее голос дрожал, — что... что он такое говорит? Что случилось с Сашей? Объясни мне!

Я опустила чашку на стол, издав легкий звон, и почувствовала, как руки начинают мелко трястись. В голове проносился вихрь мыслей.

Ведь Миша взрослый уже. Он сильно переживал и вся эта ужасная сцена надолго ему запомнится. Надо что-то придумать, как-то объяснить ему, чтобы никому не рассказывал небывлицы...

Саша действительно настолько потерял контроль над собой, дважды... И на вокзале... Перед ребенком... Вполне бы сошел за психа. Что он там кричал? На что он надеялся?

Теперь еще и маме как-то надо было объяснить, но не при ребенке же.

Мама, тяжело вздохнув, опустилась на стул рядом со мной, ее лицо было бледным.

— Аллочка, — повторила она, ее голос был едва слышен, — Все плохо? Почему ты ничего не сказала? Почему молчала? Он тебя бьет?

— Господи, мам. Нет. Миша, — я перевела взгляд на ничего не подозревающего Мишку, — иди деда найди. Пусть он тебе свою новую лодку покажет.

— Точно! — сын тут же вскочил и унесся во двор.

Я взглянула на маму чувствуя, как слезы жгучим комом подступают к горлу. Как бы я могла ей сказать такое по телефону? Как признать, что мой муж, ее любимый зять, не просто изменил мне, предал меня, бросил меня с двумя детьми, а еще и... устроил эти ужасные сцены? Это было слишком тяжело даже для меня. Как облечь это в слова? С чего начать?

— Мам, — начала я, с трудом сдерживая слезы, — там... все очень сложно. Мне... мне нужно тебе кое-что рассказать.

Глава 14

— Дочка! Что происходит! Вы меня испугали! Что с Сашей?

— Мам, — я глубоко вздохнула, пытаюсь собраться с мыслями, — надо тебе всё рассказать как есть.

Мама села ближе, лицо её было напряженным.

— Ты расскажи, Аллочка. Я всё выслушаю, — она смотрела на меня таким теплым, внимательным и понимающим взглядом, что моя нижняя губа начала непроизвольно дрожать, как в детстве.

Мама встала и налила мне воды.

— Он тебя обидел? Я его прибую паршивца!

— Мы с Мишей опоздали на первый поезд, — начала я тихо, — нас не пустили. Все билеты сгорели... Как будто само провидение пыталось спасти меня. Если бы мы успели, если бы та проводница не была такой строгой...

— Что ты хочешь сказать? — мама нахмурилась.

Я почувствовала, как ком в горле стал невыносимым. Слезы подступили, я едва могла говорить.

— Представляешь, мам... если бы не эти билеты и эта проводница, я бы до сих пор жила в обмане и лжи... Я бы так и не узнала, что он... — я захлебывалась словами, — что он изменял. Изменял и предавал меня, всех нас. Он... он привел ту девку прямо к нам домой.

— Господи... — мама испуганно прикрыла рот рукой, — да как же это...

Слёзы тихо покатались по щекам, и я продолжила:

— Мама, я заходила домой, а там — самая настоящая проститутка в красном кружевном белье. У меня теперь эта краснота перед глазами рябит, когда закрываю глаза. В нашей квартире, понимаешь? Он, подлец такой... Я его теперь просто ненавижу... Всем сердцем! Как он мог...

Мама подняла руки, как будто от изумления и отчаяния.

— Нет-нет, не может быть! — вскрикнула она. — Он твой муж, Аллочка! Как он мог? Это же... это предательство!

— Я знаю, — сжала я кулаки, — а я по больницам с маленьким Павликом бегала, а он... он домой проституток водил! Как он теперь нам с детьми в глаза смотреть будет? Я больше не смогу этого терпеть.

Мама резко обняла меня, её руки крепко сжали мои плечи.

— Ну ничего, ничего, — шептала она, — мужчины часто пытаются доказать себе что-то, всем вокруг, что они самцы, что они еще о-го-го. Им нужно это самоутверждение, понимаешь? Они потом раскаиваются, жалеют. Иногда они срываются. Но может быть, всё ещё образуется. Не руби сгоряча, дочка, — мама говорила как-то обреченно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.